

С.Л. ФРАНК И А.И. ВВЕДЕНСКИЙ: СТРАНИЦЫ ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕНИЯ (ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕКРОЛОГУ)

Геннадий Аляев

В статье предпринята попытка реконструкции творческих и личных связей двух выдающихся русских философов начала XX в. – А.И. Введенского и С.Л. Франка. Анализируется соотношение между критицизмом («логицизмом») Введенского и абсолютным реализмом Франка, разработанным в книге «Предмет знания». Рассматриваются прежде всего вопросы понимания метафизики как веры или как знания, а также вопросы о связи гносеологии с онтологией. Утверждается, что в этом соотношении двух конкретных философских позиций отразилась общезначимая проблема определения предмета философии и ее взаимосвязи с религией. Кроме анализа опубликованных текстов, автор статьи опирается на архивные документы, что позволяет ему описать основные эпизоды творческого и профессионального общения двух философов: обращение Франка к отдельным идеям и тезисам Введенского, участие обоих философов в диспуте по докладу С.А. Алексева, помощь Введенского как заведующего кафедрой в организации зарубежной командировки Франка и как оппонента – в защите его магистерской диссертации. Делается вывод, что, несмотря на теоретические расхождения, оба философа сохранили теплые человеческие отношения друг к другу. В приложении публикуется некролог, написанный Франком Введенскому и впервые напечатанный в эмигрантской газете «Руль» (Берлин, 1925), в котором зафиксирована общая оценка Франком философской и профессиональной деятельности Введенского, а также отражены уникальные факты их личных контактов.

Ключевые слова: русская философия, логицизм, абсолютный реализм, философия в С.-Петербурге, С.Л. Франк, А.И. Введенский.

Национальный технический университет «Днепропетровская политехника», г. Днепр, Украина

The article attempts to reconstruct the creative and personal relationships of the two leading Russian religious philosophers of the early twentieth century Aleksandr I. Vvedensky and Semyon L. Frank. The relationship between Vvedensky's doctrine of criticism ("logicism") and Frank's absolute realism, developed in the book "The Subject of Knowledge", is analyzed. The questions of understanding metaphysics as faith or as knowledge, as well as questions concerning the relationship of gnoseology to ontology, are considered first and foremost. The author claims that this correlation of the two specific philosophical positions reflects the generally valid problem of determining the subject of philosophy and its relationship to religion. In addition to an analysis of published texts, the author relies on archival documents, which allows him to describe the main episodes of creative and professional communication between the two philosophers: Frank's appeal to the ideas and theses of Vvedensky, the participation of both philosophers in the debate on the report of S.A. Alekseev, the help of Vvedensky as head of the department to organize a trip abroad for Frank, the role of Vvedensky as an opponent in the defence of Frank's master's thesis. It is concluded that despite their theoretical disagreements, both philosophers maintained warm human relations with each other. The appendix to the article contains Frank's obituary of Vvedensky, first published in the émigré newspaper "Ruhl" (Berlin, 1925), which records Frank's general evaluation of Vvedensky's philosophical and professional activities, and also reflects the unique facts of their personal contacts.

Keywords: Russian philosophy, logicism, absolute realism, philosophy in St. Petersburg, Semyon L. Frank, Aleksandr I. Vvedensky.

Место и роль Александра Ивановича Введенского (1856–1925) в истории русской философии и философского образования конца XIX – начала XX века достаточно хорошо известны¹. Многолетний заведующий кафедрой философии Императорского Санкт-Петербургского университета, сооснователь и руководитель Санкт-Петербургского философского общества, автор ряда учебников и изданных лекционных курсов, блестящий лектор, оригинальный философ, разрабатывавший «логицизм» как самостоятельную версию кантианства... Впрочем, если не оригинальность, то философская ценность логицизма Введенского зачастую поддается сомнению; кроме того, известно о его тяжелом нраве как руководителя кафедры в отношении к подчиненным². Такие оценки и характеристики не способствуют внимательному интересу и могут предопределять поверхностный взгляд на, как представляется, уже устоявшуюся историческую персоналию (особенно если ориентироваться на стандарты учебной и обзорной литературы).

Однако, как это иногда бывает, вдруг находятся документы, которые заставляют если не забыть, то как бы отодвинуть известные штампы и взглянуть на знакомую и не таящую (как кажется) загадок фигуру по-новому, увидеть ее глубину и полноту. Таким неожиданным открытием в отношении А.И. Введенского может стать статья-некролог Семена Людвиговича Франка (1877–1950). При том, что этот текст, затерявшийся в газетных подшивках (некролог вышел в берлинской газете «Руль» [29] – Франк уже жил в вынужденной эмиграции), на первый взгляд лишь подтверждает упомянутые выше оценки и характеристики, воспринятый в целом он передает неповторимое ощущение ценности конкретной личности – незаурядного философа и духовно сильной натуры, – что дает нам основания для его републикации.

Но прежде остановимся на страницах личного и творческого общения двух философов. Наиболее известной в этом отношении является совместная работа на кафедре философии Санкт-Петербургского университета в 1912–1917 гг. Однако их заочное, да и очное знакомство состоялось раньше.

Франк учился в Московском университете, к тому же – на экономическом факультете, а значит – во время учебы никак не мог пересекаться с заведующим кафедрой философии Санкт-Петербургского университета. Свою научную карьеру Франк начинал как экономист, написав книгу «Теория ценности Маркса и ее значение» (1900) и ряд рецензий. Осенью 1902 – зимой 1903 года он, кажется, впервые приезжает в Петербург – поводом послужило поступившее от декана экономического факультета только что основанного Политехнического института А.С. Посникова

¹ Прежде всего, следует указать на статьи ряда авторов, собранные в сборнике: [9], а также на материалы конференции: [1].

² Красноречивы в этом отношении воспоминания Н.О. Лосского, который на примере собственного опыта описывал ревностную осторожность Введенского к продвижению подчиненных [15, с. 117–118]. А.А. Ермичев приводит слова из личного письма студента А.А. Блока: «Введенский вообще большой деспот», хотя и признает, что Блок мог только передавать слухи [7, с. 185].

предложение о подготовке к профессуре – «моя книга по теории ценности привлекла его внимание». Но не случилось: «Дело расстроилось из-за моего вероисповедания» [33, с. 113]. К сожалению, мы не знаем круга контактов Франка в эти месяцы. Однако именно тогда в его текстах появляется имя А. И. Введенского.

Как раз в это время Франк-экономист быстро превращается во Франка-философа¹. В том числе, наряду с последними экономическими рецензиями, в № 12 журнала «Образование» за 1902 г. выходит его первая философская рецензия – на русский перевод работы В. Виндельбанда «История новой философии в ее связи с общею культурой и отдельными науками». Этот перевод был сделан под редакцией Введенского выпускницами Высших женских (Бестужевских) курсов Е.И. Максимовой, В.М. Небезиной и Н.Н. Платоновой [11, с. 18–19]. Франк, прекрасно знавший немецкий язык, оценил его уважительно-критически: «За правильность перевода ручается авторитетное имя его редактора. Мы не можем, однако, не заметить, что, к сожалению, стиль перевода несколько тяжел, представляя собою слишком буквальную передачу немецкого оригинала; таким образом, изящество и простота языка Виндельбанда почти пропадают» [21, с. 532]. Добавим, что к тому времени Франк уже планировал собственный перевод «Прелюдий» Виндельбанда, которые высоко оценивал «и как философское, и как художественное произведение» [30, с. 53] (перевод Франка вышел в 1904 г.).

В этой рецензии Франк еще по одному вопросу оппонировал «авторитетному редактору». Приведя высказывание В. Вундта о том, что в «Истории новой философии» Виндельбанда «связь с культурой значитесь только на обложке», рецензент посчитал это замечание слишком резким, хотя и не лишенным оснований, и тут же добавил: «Во всяком случае, еще менее можно согласиться с противоположным мнением редактора перевода проф. Введенского, будто главное значение труда Виндельбанда лежит именно в его широкой и общей исторической перспективе» [21, с. 531]. Действительно, в своем предисловии к переводу Введенский писал, что, в отличие от Куно Фишера, который «следит за связью и взаимными влияниями философии с другими факторами общеисторического процесса не так широко», Виндельбанду «удалось составить такую книгу, что при ее помощи читатель легко объединяет свои познания по истории новой философии с другими областями истории в одну цельную картину исторического процесса» [13, с. V]². Стоит отметить, что, не соглашаясь в этом вопросе с Введенским, Франк обосновывал свою позицию важным общеметодологическим положением. По его мнению, связь философии с жизненными условиями слишком «сложна и косвенна», поэтому «установление ее есть дело весьма нелегкое и достигается по большей части путем вредной схематизации философских идей и затуманивания наиболее характерных индивидуальных черт каждой от-

¹ Подробнее об этом см.: [4, с. 57–71].

² Подробнее о Введенском как историке философии см.: [8].

дельной философской системы» [21, с. 531]¹. Виндельбанд, по мнению Франка, вовсе не злоупотребляет такими приемами, поэтому «связь с культурой» обоснована у него «лишь общими и иногда еле заметными штрихами», тогда как главной его заслугой является «мастерское, сжатое и вместе с тем всегда яркое и жизненное изложение учений отдельных мыслителей» [21, с. 531].

На постоянное жительство в С.-Петербург Франк переехал в конце 1905 г., и этот переезд был связан прежде всего с его участием в издательских и политических проектах П.Б. Струве (впрочем, от политической деятельности Франк к этому времени уже практически устранился). Но очень скоро началась и его преподавательская деятельность. Его первым местом работы – в 1906–1908 гг. – стали Общеобразовательные курсы при женской гимназии М.Н. Стоюниной и сменившие их Историко-филологические и юридические вечерние высшие курсы для лиц обоего пола, основанные профессорами И.М. Гревсом и М.А. Дьяконовым. Франк читал там не только свой экспериментальный курс «Социальной психологии», но и уже собственно философские курсы – «Основные проблемы философии», «Логику общественных наук» и «Историю новой философии» [2, с. 18–19]. Одновременно он входит в круг академической элиты Санкт-Петербурга, знакомясь, в том числе, и со своими будущими коллегами по университету – на Стоюнинских курсах лекции читали в эти же годы Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, С.А. Алексеев, И.М. Гревс, Э.Д. Гримм (при ректорстве которого Франк позднее работал в университете) и другие.

Что касается А.И. Введенского, то личное знакомство с ним, скорее всего, было связано уже с работой на Бестужевских курсах. В 1907/08 учебном году Франк, по предложению Н.О. Лосского и И.И. Лапшина, был привлечен к ведению просеминария по философии и теории познания для слушательниц историко-филологического факультета Высших женских курсов [см.: 35, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 34, л. 39, 41, 55]², где работал и профессор Введенский. А в следующем году Франк получил уже лекционный курс за счет своеобразной «рокировки» как раз с будущим начальником по кафедре. 11 октября 1908 г. историко-филологический факультет курсов принял решение: «За отказом А.И. Введенского от чтения в нынешнем году пропедевтических курсов по философии предложено поручить С.Л. Франку прочесть курс введения в философию», – а уже в заседании 22 октября состоялось избрание, причем «баллотированный получил 11 избирательных голосов и 1 неизбирательный», и Франку было предложено «приступить к чтению лекций тотчас же по представлению резуль-

¹ Иными словами – если вспомнить, что Франк совсем недавно был еще в марксистском идейном лагере (хотя и не был «ортодоксом»), – философия как «надстройка» слишком автономна, чтобы ее можно было напрямую связывать с социально-экономическим «базисом». Немного позже с этих позиций Франк решительно выступит против «социально-объяснительной критики» А. Богданова и вообще партийно-классового подхода к философии, ярко проявившегося в дискуссии русских марксистов вокруг эмпириокритицизма (см. об этом: [3, с. 25–28]).

² Благодарю Т.Н. Резвых за возможность использовать информацию, полученную ею в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга.

тата настоящей баллотировки Совету» [35, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 34, л. 64, 68 об.; см. также: 3, с. 13]. Неизвестно, был ли инициатором такой замены сам Введенский, и тем более неизвестно, кто голосовал против Франка, но, во всяком случае, в последующие годы они параллельно преподавали на Бестужевских курсах (вместе с Н.О. Лосским и И.И. Лапшиным), читая разные философские дисциплины (причем в 1913/14 уч. году, в связи с заграничной командировкой Франка, он был «уволен в отпуск на год, а его 6 часов заменены 4 часами А.И. Введенского» [35, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 67, л. 58 об.]).

Впрочем, еще до начала совместной работы на Бестужевских курсах, Франк и Введенский встречались на первом публичном тематическом заседании Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества 3 октября 1907 г. С докладом «О старом и новом религиозном сознании» выступал С. А. Алексеев. Введенский оппонировал своему более молодому коллеге, требуя более точного философского понимания физических явлений (речь шла о материи и свете) и выступая против произвольного включения в философскую аргументацию отсылок к религиозному откровению. Введенский отмежевывался от «области метафизической, области непознаваемого», в которой невозможна «проверка по существу» [18, т. 1, с. 54], и в завершении жаркой полемики, которую несколько раз пытался приостановить председательствующий собрания, заметил: «Для меня очень ясно, что все метафизики стараются подогнать священное писание под себя, но такой ценой, что, пожалуй, другой знаток священного писания может сказать: ты не священное писание подогнал, а какую-то отсебятину подогнал под свою философию. Вот все замечания, которые я хотел высказать. Про остальные же части доклада скажу только, что я человек некомпетентный, когда дело доходит до чаяний, которые не выразить в точных понятиях» [18, т. 1, с. 56].

Франк, философско-мировоззренческая позиция которого в это время только начинала смещаться в сторону положительного восприятия метафизики, а затем и ее собственной разработки, в этом пункте поддержал Введенского. Выступая в прениях, он заметил, что «те недоразумения, на которые обратил внимание проф. Введенский, не случайны, а вытекают из самого существа того направления мысли, которого держится докладчик» [24, с. 484]. Это направление Франк характеризовал как «материализм религиозной мысли». Поясняя свою позицию, он признавал, что «религиозная мысль должна охватывать совокупность всего, что есть, следовательно и явления физические, как и явления психические», однако нельзя отождествлять при этом религиозное понимание с пониманием физической науки. «Я могу рассуждать о свете с моральной точки зрения, но для меня этот свет не имеет ничего общего с тем светом, о котором мы учили в физике, и наоборот. Здесь одно лишь сходство слов» [24, с. 484], – резюмировал молодой философ. Нельзя здесь не вспомнить, что более чем через 30 лет рассуждения Франка о свете (и тьме) «с моральной точки зрения» воплотились в целую книгу по христианской этике и социальной философии.

Интерес к работам самого Введенского проявился у Франка в связи с его изысканиями в области социальной психологии¹. Эта наука стала для него связующим звеном между политической экономией и философией – в 1902–1905 гг. он интенсивно изучал соответствующую литературу и собирался написать книгу, а в 1906 г. впервые прочитал курс лекций по этой дисциплине. Несмотря на явный налет распространенного тогда психологизма, Франк стремился к выяснению онтологической специфики общества как духовной реальности, создаваемой индивидуальным и коллективным общением людей. В 1910–1913 гг. он читал курс «Общественной психологии» в Психоневрологическом институте. Одной из ключевых тем этого курса была «проблема общения», или «познание чужого “я”», в которой он апеллировал к «новейшим теориям интуитивного познания» Введенского, Липпса и Гомперца [23, с. 380].

Франк принимал «метафизическое чувство», постулируемое Введенским в его «новом психо-физиологическом законе» (которое сравнил с «чувством присутствия невидимого» у У. Джеймса), а также «вчувствование» Т. Липпса, интроспекцию Р. Авенариуса, «эндопатические чувства» Г. Гомперца», как варианты нерационального, интуитивного восприятия чужого сознания [23, с. 363, 365–366]. В написанной в 1911 г. статье о Ф. Шлейермахере, Франк привел эти концепции как примеры описания «эмоционального знания», которое охватывает «широкие и самые важные области жизни» – например, эстетическое и нравственное восприятие, а также «всякое познание “чужого я” или “чужого сознания”, не данного нам в рациональном опыте (Липпс, Введенский), и, следовательно, все понятия и суждения обществоведения; и оно же есть источник мистического знания религиозных истин, недоказуемое, но самодостовверное “вещей невидимых обличение” в вере» [27, с. 18–19]. Немного позже эти идеи будут развиты самим Франком в его концепции «живого знания», ставшей ключевым звеном его метафизики абсолютно-го реализма.

В работах Франка начала 1910-х годов можно найти и другие упоминания, свидетельствующие о его знакомстве с произведениями Введенского. Так, в дискуссии с Эрном Франк упоминал о полемике В.С. Соловьева «против кантианца проф. А.И. Введенского» по вопросу об идее Бога у Спинозы [25, с. 458]. В рецензии на перевод «Истории философии» К. Форлендера Франк назвал «безусловным недоразумением» намеченное в предисловии В.А. Савальского «отождествление антропологического критицизма проф. А.И. Введенского с “марбургским” панлогистическим идеализмом» [22, с. 199], – подчеркнув, таким образом, принципиальное отличие позиции русского кантианца от немецкого неокантианства². Издавая свой перевод «Очерка истории греческой философии» Э. Целлера, Франк в предисловии упомянул «педагогически превосходный литографированный курс лекций проф. А.И. Введенского

¹ Подробнее об этом см.: [5].

² По крайней мере, от марбургского – отметим здесь утверждение Н.А. Дмитриевой о том, что примерно с 1909–1910 гг. в работах Введенского начинает ощущаться влияние Баденской школы [6, с. 67].

(доведенный, впрочем, лишь до Аристотеля включительно)», который «к сожалению, не издан автором печатно и недоступен большинству учащихся вне Петербурга» [31, с. I]. Характеризуя в своей статье о Спинозе рационализм как склонность «рассматривать все реальные связи и отношения по образцу логических», Франк сослался на «превосходную вступительную статью проф. А.И. Введенского “Декарт и рационализм” к русскому переводу “Метафизических размышлений” Декарта» [34, с. 528]. Следует к этому добавить, что в 1911–1912 гг. Франк сдал магистерский экзамен по кафедре философии при Санкт-Петербургском университете [33, с. 114], которой в это время еще заведовал Введенский.

Возглавляемый деканом Ф. Брауном историко-филологический факультет 5 мая 1912 г. рассмотрел «прошение магистранта философии Семена Людвиговича Франка» и постановил «ходатайствовать о зачислении его в состав приват-доцентов и о допущении его в этом звании к чтению лекций по кафедре философии с осеннего полугодия сего года на тему “Основные направления этики”» [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 1]. Официально приват-доцентом кафедры Франк был зачислен с 1 июля 1912 г. [20, с. 12], и 15 сентября прочитал вступительную лекцию «Нравственный идеал и действительность» [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 7]. А уже через несколько дней заведующий кафедрой инициировал командирование нового преподавателя за границу.

Издавая позднее «Предмет знания», Франк выразил глубокую признательность факультету, по представлению которого состоялась его командировка, «и, в частности, проф. А.И. Введенскому, которому принадлежит инициатива этого представления» [32, с. VII]. Действительно, 29 сентября 1912 г. историко-филологический факультет поддержал представление зав. каф. Введенского и «постановил ходатайствовать о командировании за границу с ученой целью на один год с 15 Августа 1913 г. по 15 Августа 1914 г. приват-доцента Императорского СПб Университета С.Л. Франка с назначением ему содержания на время командировки из сумм Министерства Народного Просвещения в размере 2000 р. в год» [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 8]. Сохранилось и само представление Введенского, а также написанная им «Инструкция для заграничных занятий С. Л. Франка» [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 10, 11]. Интересно, что Введенский предлагал несколько больший срок командировки – год и четыре месяца (с 15 апреля по 15 августа), с тем, чтобы можно было провести в Германии три полных семестра, – и Франк действительно уехал уже в мае 1913 г.

Обосновывая потребность командировки, Введенский писал в представлении о начатой Франком магистерской диссертации, посвященной «вопросу о границах отвлеченного знания», и о необходимости поработать в библиотеках немецких университетов и «воспользоваться личными советами и указаниями некоторых германских ученых», среди которых называл Гуссерля, Клейна, Либмана, Эйкена и Виндельбанда¹. Призывая ока-

¹ Очевидно, с указанными Введенским учеными Франк не встречался, поскольку работал только в Марбурге и Мюнхене, где, судя по одному из сохранившихся отчетов, общался с О. Кюльпе и Т. Липпсом [35, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 16182, л. 1].

зять своему подопечному всяческую поддержку, Введенский подчеркивал, что Франк – не новичок в русской научной литературе: «Он уже приобрел в ней почтенное имя и как автор самостоятельных трудов, свидетельствующих о его эрудиции и основательности, и как прекрасный переводчик некоторых важных произведений германской философской литературы», – кроме этого, «г. Франк приобрел репутацию искусного преподавателя философских наук, занимаясь их преподаванием с 1906 года и состоя в настоящее время преподавателем на С. Петербургских Высших Женских Курсах, в Психо-Неврологическом Институте и в Педагогической Академии» [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 10 – 10 об.]. Даже принимая во внимание необходимую условность подобных официальных характеристик, нельзя усомниться в том, что Введенский высоко оценивал научный потенциал Франка, а возможно и надеялся получить в его лице нового союзника (каковым был, например, Лапшин) в критике интуитивизма Лосского, что было в это время его *idée fixe*.

Однако, если такие надежды и были, то они не оправдались. Хотя Франк в «Предмете знания» обращается со словами «метафизика» и «метафизический» осторожно, и иногда берет их в кавычки, совершенно очевидно принципиальное отличие его философской позиции от позиции Введенского. При этом Франк, начиная свои рассуждения с чисто логического анализа, опирался на второе издание (1912) «Логики» Введенского и брал из нее примеры [32, с. 4, 201], и даже признавал, что учение Введенского и Лапшина «послужило для нас толчком к развитию нашей собственной теории» [32, с. 211], однако результатом этого толчка стала метафизика абсолютного реализма, которая выстраивалась Франком как преодоление кантианства. И если при этом Франк в чем-то критиковал и Лосского (хотя рассматривал его интуитивизм в числе наиболее близких учений), то с прямо противоположных позиций, чем это делал Введенский.

Лишь дважды в тексте «Предмета знания» Франк пишет о конкретных расхождениях с Введенским по специальным вопросам – о толковании законов мышления как естественных или нормативных и о понимании номинального и реального определения [32, с. 211, 271]. Однако частности здесь не очень важны¹; признав, как уже отмечено, инспирирующее значение логических конструкций Введенского и Лапшина, Франк одновременно заявляет: «Существо нашей позиции настолько далеко уклоняется от указанных мнений, что особое обсуждение их не может быть дано в краткой форме; основания нашего мнения и здесь заключены во всей совокупности наших размышлений» [32, с. 211]. Очевидно, что книга Франка представляла собой метафизический ответ не только кантианству вообще, но и «ближайшим» его представителям в лице кафедральных сослуживцев и будущих оппонентов на защите – их возможные вопросы были для него вполне предсказуемы: «Мы предви-

¹ Отметим, кстати, что в подготовительных набросках к «Предмету знания» (эта тетрадь сохранилась в фонде Франка в Бахметевском архиве, США [36]) можно найти больше случаев конкретной полемики или обозначения несогласия с позициями Введенского, однако не все вошли в итоговый текст.

дим, конечно, что нашему исследованию, которое далеко уклоняется от преобладающих мнений, будет прежде всего противопоставлен преюдициальный вопрос: не преступили ли мы пределов чистой “теории познания”, не впали ли мы в “догматизм”, решая вопросы гносеологии посредством онтологических исследований?» [32, с. V].

Действительно, принципиальное отличие абсолютного реализма Франка от логицизма Введенского определялось, в первую очередь, различием в понимании соотношения гносеологии и онтологии, или шире – философии и метафизики. По Введенскому, *«философия есть теория познания с присоединением связанной с нею и основанной на почве добытых ею выводов системы научно разработанного мировоззрения»* [12, с. 27]. Такое определение, по сути, противопоставлялось им как позитивистскому обнулению предметной области философии, так и ее метафизическому расширению¹. При этом «размежевание» с метафизикой основывалось на однозначном определении понятий «трансцендентный» и «имманентный», согласно которому «трансцендентные предметы» никогда не могут быть восприняты в опыте. Возникающий отсюда «главный вопрос» гносеологии о возможности знания трансцендентных предметов, или шире – о возможности метафизики в виде знания [см.: 12, с. 29–30], – Введенский решал безусловно отрицательно. Всякая метафизика, поскольку она обращается к «истинному бытию» и «трансцендентным предметам», «с логической необходимостью навсегда осуждена оставаться верой» [12, с. 351]. Гносеология же не должна исходить из предвзятого деления на истинное и кажущееся бытие, а наоборот, опираясь на естествознание и математику, *«должна взять фактически существующее бесспорное знание и именно его рассматривать с целью выяснить условия, делающие его возможным»* [12, с. 36].

Для Франка подобный подход означал фактическую самоизоляцию гносеологии, ее отрыв от онтологии, и отрыв знания от предмета знания. Так, он критиковал позицию имманентного объективизма (в частности, марбургской школы), для которого «сам факт знания есть первая, самоочевидная основа, из которой должно исходить гносеологическое мышление», и знание тем самым превращается в «абсолютный, самодовлеющий и всеобъемлющий космос», из которого мы только и можем познать, что такое есть его “предмет”» [32, с. 71]. Признавая определенную ценность и плодотворность этой теории, Франк, однако, подчеркивал, что простой ссылкой на «имманентность» предмета знанию нельзя уйти от ответа на вопрос, каким образом независимо от знания существующий, в себе пребывающий предмет «может быть нам “дан” до “знания” о нем, т. е. почему мы имеем эту двойственность между “предметом” и “знанием о нем”» [32, с. 75]. Иными словами – и тут уже явно просматривается полемика с Введенским, – «необходимое преодоление понятия метафизической, реальной трансцендентности предмета не

¹ Характерно, что в своей ранней статье «О критическом идеализме» (1904) Франк с кантианских позиций также стремился достичь «философского синтеза, равно далекого как от доктринерской узости позитивизма, так и от фантастичности метафизических построений» [28, с. 206].

должно вести к признанию “предмета” чисто *логической* категорией. Между предметной природой сознания как *условием* всякого знания и всеми чисто логическими категориями, выражающими отношения между содержаниями знания, имеется принципиальное, неустранимое различие» [32, с. 75]¹.

Магистерская диссертация Франка в результате получилась не о «границах отвлеченного знания» по Введенскому – т. е., об отграничении теории познания от метафизической веры, – а об ограниченных возможностях отвлеченного знания как такого, которому доступно только предметное бытие, схватываемое в логических категориях и законах, но также о доступности абсолютного бытия (того самого «истинного», которое Введенский выводил за рамки гносеологии) металогическому живому знанию, знанию-переживанию. В своем выступлении на защите Франк говорил о кризисе гносеологии, которая «не может, не впадая в порочный круг, опираться на какое-либо материальное знание: она должна быть наукой “без предпосылок”, ибо она сама обосновывает предпосылки всех других наук» [26, с. 34]. В свою очередь, Франк солидаризовался с теми направлениями современной философии, в которых, так или иначе, совершается «покаянное отречение гносеологии от самой себя» и ее возвращение к онтологии [26, с. 35]. Как бы упреждая возражения Введенского, Франк уточнял, что речь идет не о старой онтологии, крушение которой «было обусловлено вовсе не тем, что она была метафизикой или онтологией, а тем, что она была *плохой* онтологией» [26, с. 38]. Речь идет о «новой онтологии», выросшей из недр критицизма и его гносеологии – она есть «до конца додуманная критическая гносеология», «она исследует не трансцендентное нашему сознанию бытие, а то безусловно имманентное, первичным образом данное нам бытие, на почве которого впервые возникает сама противоположность между субъектом и объектом, сознанием и предметным бытием» [26, с. 36].

30 апреля 1916 г. состоялась «предзащита» – на заседании историко-филологического факультета были заслушаны «отзывы профессоров А.И. Введенского, И.И. Лапшина и прив.-доц. Н.О. Лосского о труде прив.-доц. С. Л. Франка “Предмет Знания. Об основах и пределах отвлеченного Знания” Петроград 1915 г., представленном на соискание степени магистра философии», и факультет постановил «допустить означенный труд к защите на публичном диспуте в качестве диссертации на искомую степень» и «устроить диспут прив.-доц. С.Л. Франка 15 Мая с.г. в 1 час дня» [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 20]. Диспут, состоявшийся «в одной из Университетских зал» «при большом стечении публики» [16, с. 168, 171], очевидно, был жарким. Председательствовал декан Ф.А. Браун, официальными оппонентами выступали те же сослуживцы

¹ В подготовительных заметках, показывая противоречивость наглядных представлений, Франк заключал: «Отсюда вывод (противоположный выводу Введенского) об имманентных (а не трансцендентных) границах логически-аналитического. Логика ограничена не алогическим “миром вещей в себе”, а алогическим “наглядным миром”. Логика – отвлеченная ориентировка, не овладевающая полнотой явлений» [36].

Франка по кафедре – Введенский, Лапшин и Лосский, неофициальным – П.Б. Струве. Прения затянулись на несколько часов. Интересные подробности этого события находим в воспоминаниях Татьяны Франк: «Помню хорошо этот торжественный день, помню мою радость и гордость за него. Он высокий, во фраке, как всегда сосредоточенный и спокойный, защищал свою книгу, помню его оппонентов – Лосского, Введенского, Лапшина и как бы “вольного” П.Б. Струве. Все кроме Введенского требовали сразу присуждения степени доктора, но Введенский сказал, что пусть напишет еще одну книгу. Вечером мы были одни и оба радовались, что этот большой день так хорошо прошел» [14, с. 213]. Возражение Введенского стало решающим. Знал ли он, что «еще одна книга» была уже почти готова? Во всяком случае, что касается Франка, то очевидно, что не по логике карьерных соображений, а по логике разворачивания своей системы, уже через три месяца он завершил книгу «Душа человека», которую, однако, не успел защитить как докторскую работу в силу отмены после Октябрьской революции степеней и званий.

Надо отметить, что, в отличие от Лосского, критика интуитивизма которого заполняла целые страницы в работах Введенского, а также была постоянной темой его лекций и даже включалась им в экзаменационные билеты [10, с. 23] (доставалось и другим «защитникам метафизики», например Н.А. Бердяеву [12, с. 359–362]), с Франком он печатно не дискутировал. Возможно, просто не успел – «Предмет знания» Франка вышел в конце 1915 г., когда Введенский, очевидно, уже завершал переработку текста «Логика, как части теории познания» для третьего издания. Со своей стороны, Франку потребовалось не очень много времени, чтобы, прежде всего из личного общения (уникальные факты которого зафиксированы в некрологе), но также из последних работ Введенского сделать вывод, что его настойчивое разграничение знания и веры означало не позитивистско-нигилистическую борьбу против веры, а наоборот, ее ревностную защиту от пагубной рационализации. За внешностью строгого логицизма скрывался своеобразный религиозный мыслитель, а за проявлениями начальственной грубости – скромный и добрый, и одновременно мужественный и готовый на мученичество ради своей веры человек.

В сентябре 1917 г. Франк переехал в Саратов. Из публикуемого некролога следует, что при этом он не утратил связь со своим бывшим начальником и оппонентом – между ними была переписка (к сожалению, сами письма, видимо, не сохранились). Из писем Франка к Гершензону нам известны некоторые обстоятельства его жизни в Саратове; в том числе, из них следует, что упоминаемые в некрологе «хлебовые посылки» Франки отправляли в Петроград до лета 1918 г., после чего сами оказались «в положении голодающих» [19, с. 29]. Осенью 1919 г. они вновь могли бы работать вместе – в Петрограде был сформирован Единый Петроградский университет, и «в заседании факультета Общественных Наук» 25-го октября были утверждены «в должности профессоров Философского Отделения», среди других, также А.И. Введенский и С.Л. Франк [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 27]; сохранилось письмо ректора С.А. Жебелева с предложением Франку «отправиться в Петроград для

исполнения в Петроградском Университете Ваших служебных обязанностей» [35, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10625, л. 26], однако Франк не поехал.

Он вернулся осенью 1921 г. в Москву, где проработал год в университете, Академии духовной культуры и Академии художественных наук, при этом, конечно, поддерживал контакты со своими петербургскими коллегами, в том числе с Философским обществом, которое, правда, Введенский в это время по нездоровью уже не возглавлял. В журнале «Мысль», в котором вышла упоминаемая в некрологе статья Введенского, Франк тоже успел опубликовать одну статью (в № 3 – «О задачах обобщающей социальной науки»). В издательстве Философского общества «Academia» вышла его книга «Введение в философию в сжатом изложении». Очевидно, весной 1922 г. он выступал с докладом в Петроградском философском обществе¹. Трудно сказать, виделись ли Франк и Введенский лично до отправки «философского парохода», на котором Франк с семьей навсегда покинул Россию². Но из публикуемой далее статьи-некролога видно, что написанные ими вместе страницы философского и человеческого общения оставили у обоих теплые чувства и добрую память.

Литература

Исследования

1. Александр Иванович Введенский и его философская эпоха: к 150-летию со дня рождения / Материалы междунар. науч. конф. «Философия как наука и учебная дисциплина», 16–18 нояб. 2006 г. / Ред. И.Д. Осипов. СПб.: СПбГУ, 2006.
2. Аляев Г.Е., Антонов К.М., Резвых Т.Н. Предисловие. С.Л. Франк: жизнь и творчество, 1903–1907 // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: 1903–1907. М.: ПСТГУ, 2019. С. 5–56.
3. Аляев Г.Е., Антонов К.М., Резвых Т.Н. Предисловие. С.Л. Франк: жизнь и творчество, 1908–1910 // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 3: 1908–1910. М.: ПСТГУ, 2020. С. 5–44.
4. Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. Предисловие к первому тому. С.Л. Франк: жизнь и творчество, 1877–1902 // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 1: 1896–1902. М.: ПСТГУ, 2018. С. 21–71.
5. Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. Социальная психология: незавершенный проект С.Л. Франка. Предисловие к публикации // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2019 год. Вып. 15 / Ред. М.А. Колеров. Ярославль: Модест Колеров, 2019. С. 235–267.
6. Дмитриева Н.А. Критицизм или мистицизм? А.И. Введенский и русское неокантианство // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский,

¹ Этот факт инкриминировался Франку в печально знаменитом Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) 10 августа 1922 г. – он якобы призывал «к созданию единого философско-политического фронта определенно противосоветского характера» [17].

² Известно, что Введенский прощался с группой своих учеников (Лапшин, Лосский, Карсавин) 15 ноября, перед отправкой «петербургской» группы высылаемых [9, с. 211], но Франк входил в «московскую» группу, которая была отправлена 29 сентября 1922 г.

- Иван Иванович Лапшин / Ред. В.Н. Брюшинкин, В.С. Попова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 40–73.
7. *Ермичев А.А.* О том, как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов университетской профессуры в России XX в. // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / Ред. В.Н. Брюшинкин, В.С. Попова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 182–200.
 8. *Малинов А.В.* История философии как философия: приемы историко-философского исследования А.И. Введенского // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / Ред. В.Н. Брюшинкин, В.С. Попова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 101–108.
 9. Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / Ред. В.Н. Брюшинкин, В.С. Попова. М.: РОССПЭН, 2013.
 10. *Орлова Н.Х.* Философские штудии на Бестужевских курсах // Дискурс. 2018. № 1. С. 19–28.
 11. *Ростовцев Е.А.* Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): очерк жизни и научной деятельности // Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / Ред. Е.А. Ростовцев, П.А. Трибунский. Рязань, 2020. С. 17–28.

Источники

12. *Введенский А.И.* Логика, как часть теории познания. 3-е, вновь перераб. изд. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1917.
13. *Введенский А.* Предисловие к русскому изданию // Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / Пер. со 2-го нем. изд. Е.И. Максимовой, В.М. Неужиной и Н.Н. Платоновой. Под ред. [и с предисл.] проф. С.-Петерб. ун-та А.И. Введенского. Т. I: От Возрождения до Канта. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1902. С. V–VIII.
14. Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк // С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. С. 182–222.
15. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь / Предисл. и примеч. Б.Н. Лосского; вступ. ст. О.Т. Ермишина; коммент., публ. текстов в прилож. О.Т. Ермишина и С.М. Половинкина. М.: Викмо – Русский путь, 2008.
16. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года / Сост. орд. проф. В.В. Бартольд. Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1916.
17. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списков высылаемых деятелей интеллигенции 10.08.1922 // Архив Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56068>.
18. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009.
19. С.Л. Франк. Из писем М.О. Гершензону (1912–1919) / Публ., подг. текста, вступ. ст. и коммент. М.А. Колерова // De visu. Историко-литературный и библиографический журнал. 1994. № 3/4. С. 23–33.
20. Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском Учебном Округе к 1 апреля 1913 года. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1913.

21. Франк С. [Рецензия на:] В. Виндельбанд. «История новой философии в ее связи с общео культурой и отдельными науками» // Франк С.Л. Полн. собр. соч. Т. 1: 1896–1902. М.: ПСТГУ, 2018. С. 529–532.
22. Франк С. [Рецензия на:] К. Форлендер. История философии. Т. I. Авториз. пер. с 2-го нем. изд. Под ред. проф. В. А. Савальского. СПб., 1911 г. // Русская мысль. 1911. Кн V. Критическое обозрение. С. 198–199.
23. Франк С.Л. <Материалы по социальной психологии 1902–1913 гг.> / Публ. и коммент. Г.Е. Аляева и Т.Н. Резвых // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2019 год. Вып. 15 / Ред. М.А. Колеров. Ярославль: Модест Колеров, 2019. С. 268–382.
24. Франк С.Л. <О докладе С.А. Аскольдова. Выступление на заседании Религиозно-философского общества 3 октября 1907 г.> // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: 1903–1907. М.: ПСТГУ, 2019. С. 483–486.
25. Франк С. Еще о национализме в философии. Ответ на ответ В.Ф. Эрнэ // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 3: 1908–1910. М.: ПСТГУ, 2020. С. 455–463.
26. Франк С. Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. Кн. IX. Отд. 2. С. 33–40.
27. Франк С. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Русская мысль. 1911. Кн. IX. Отд. 2. С. 1–28.
28. Франк С. О критическом идеализме // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: 1903–1907. М.: ПСТГУ, 2019. С. 205–250.
29. Франк С. Памяти А.И. Введенского // Руль. 1925. 17 апр. № 1328. С. 2–3.
30. Франк С.Л. Письма к П.Б. и Н.А. Струве (1901–1905) // Колеров М.А. Изнутри. М.: Изд. книжн. маг-на «Циолковский», 2018. С. 52–107.
31. Франк С. Предисловие переводчика // Целлер Э. Очерк истории греческой философии /С 9-го нем. изд. перев. С.Л. Франк. М.: Изд-во журнала «Русская мысль», 1912. С. I–II.
32. Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. Пг.: Тип. Р.Г. Шредера, 1915.
33. Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // Вестник РХД. № 146. Париж; Нью-Йорк; М., 1986. С. 103–126.
34. Франк С. Учение Спинозы об атрибутах // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. IV (114). С. 523–567.
35. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).
36. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York. S.L. Frank Papers. Box 15. [В.11 предварительные заметки к Предмету знания 1913–1914 Мюнхен].

Aliaiev, Gennadii E. S.L. Frank and A.I. Vvedensky: pages of philosophical communication (preface to obituary)

References

1. Osipov, I.D. (ed.) (2006), *Aleksandr I. Vvedensky i yego filosofskaya epokha: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya* [Aleksandr I. Vvedensky and his philosophical era: to the 150th anniversary of his birth], SPbSU, Saint Petersburg.

2. Aliaiev, G.E., Antonov, K.M., and Rezvykh, T.N. (2019), Predislovie. S.L. Frank: zhizn' i tvorchestvo, 1903–1907 [Preface. S.L. Frank: life and work, 1903–1907], in: Frank, S.L., *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 2: 1903–1907* [Complete works. Vol. 2: 1903–1907], St. Tikhon's Orthodox University, Moscow.
3. Aliaiev, G.E., Antonov, K.M., and Rezvykh, T.N. (2020), Predislovie. S.L. Frank: zhizn' i tvorchestvo, 1908–1910 [Preface. S.L. Frank: life and work, 1908–1910], in: Frank, S.L., *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 3: 1908–1910* [Complete works. Vol. 3: 1908–1910], St. Tikhon's Orthodox University, Moscow.
4. Aliaiev, G.E., and Rezvykh, T.N. (2018), Predislovie. S.L. Frank: zhizn' i tvorchestvo, 1896–1902 [Preface. S.L. Frank: life and work, 1896–1902], in: Frank, S.L., *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 1: 1896–1902* [Complete works. Vol. 3: 1896–1902], St. Tikhon's Orthodox University, Moscow.
5. Aliaiev, G.E., and Rezvykh, T.N. (2019), Sotsialnaya psikhologiya: nezavershenny proekt S.L. Franka. Predislovie k publikatsii [Social psychology: an unfinished project by S.L. Frank. Preface to publication], in: Kolerov, M.A. (ed.), *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: Yezhegodnik za 2019 god* [Studies in the history of Russian thought: 2019 yearbook], no. 15, Modest Kolerov, Moscow.
6. Dmitrieva, N.A. (2013), Krititsizm ili mistitsizm? A.I. Vvedenskiy i russkoe neokantianstvo [Criticism or mysticism? A.I. Vvedensky and Russian neo-Kantianism], in: Bryushinkin, V.N., and Popova, V.S. (eds.), *Neokantianstvo v Rossii. Aleksandr Ivanovich Vvedenskiy, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia. Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin], ROSSPEN, Moscow, pp. 40–73.
7. Yermichev, A.A. (2013), O tom, kak possorilis' dva ychyonykh muzha. Ocherk istorii npravov universitetskoy professury v Rossii XX v. [About how two learned men quarreled. Essay on the history of the mores of university professors in Russia in the 20th century], in: Bryushinkin, V.N., and Popova, V.S. (eds.), *Neokantianstvo v Rossii. Aleksandr Ivanovich Vvedenskiy, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia. Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin], ROSSPEN, Moscow, pp. 182–200.
8. Malinov, A.V. (2013), Istoriya filosofii kak filosofiya: priyomy istoriko-filosofskogo issledovaniya A.I. Vvedenskogo [History of philosophy as philosophy: methods of historical and philosophical research by A.I. Vvedensky], in: Bryushinkin, V.N., and Popova, V.S. (eds.), *Neokantianstvo v Rossii. Aleksandr Ivanovich Vvedenskiy, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia. Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin], ROSSPEN, Moscow, pp. 101–108.
9. Bryushinkin, V.N., and Popova, V.S. (eds.) (2013), *Aleksandr Ivanovich Vvedenskiy, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia. Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin], ROSSPEN, Moscow.
10. Orlova, N.Kh. (2018), Filosofskiye shtudii na Bestuzhevskikh kursakh [Philosophical studies at the Bestuzhev courses], in: *Diskurs* [Discourse], no 1, pp. 19–28.
11. Rostovtsev, E.A. (2020), Nadezhda Nikolaevna Platonova (Shamonina): ocherk zhizni i nauchnoy deyatel'nosti [Nadezhda Nikolaevna Platonova (Shamonina): essay on life and scientific activity], in: Rostovtsev, E.A., and Tribunsky, P.A. (eds.), *N.N. Platonova. Dnevnik (1889–1921)* [N.N. Platonova. Diary (1889–1921)], Ryzan, pp. 17–28.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. Франк

ПАМЯТИ А.И. ВВЕДЕНСКОГО¹

Скончался А.И. Введенский. Я испытываю личную – скажу прямо: религиозную – потребность помянуть его добрым словом, поделиться хоть вкратце воспоминаниями о нем и его судьбе.

Тут необходимо начать – вопреки правилу: *de mortuis nil nisi bene*² – с того, что в нем было слабого и неудовлетворительного. Сюда принадлежит, прежде всего, его собственная философская система. Чисто объективно-научная ее ценность – очень невелика. За вычетом некоторых основательных и остроумных соображений по частным вопросам логики, его философские теории поражали всех действительно компетентных читателей, с одной стороны, своей грубоватостью и топорностью, а с другой – своей устарелостью. А.И. Введенский создал свою философскую систему в 80-х годах прошлого века, в эпоху, когда и на западе уровень философской мысли был довольно низок и новейший подъем ее только что начинался. Имея сразу при своем выступлении большой академический успех (Введенский был замечательным лектором и преподавателем) и сразу же, в молодые годы, заняв кафедру в петербургском университете, А.И. Введенский, как это, к сожалению, часто бывает с русскими учеными, перестал следить за развитием науки, мало читал и всю жизнь разрабатывал и приводил в систематический порядок идеи, зародившиеся у него в самом начале его философской работы. Из философии Канта он создал себе некое упрощенное кантианство, приблизительно соответствовавшее уровню немецкого кантианства 70-х годов 19-го века, и всю жизнь упрямо отстаивал его не только против всякой «метафизики», но и против всего дальнейшего немецкого развития кантианства (которое он, впрочем, знал больше понаслышке). Это умственное состояние поддерживалось в нем типичными чертами его характера – властностью, истинно-русским «самодурством». Он не терпел возражений и критики и все новое в философской мысли заранее резко осуждал, не обнаруживая даже желания внимательно в него вдуматься. Свои собственные, упрощенные и примитивные теории он излагал и доказывал с какой-то утомительно-чрезмерной – как говорил Ницше о таких произведениях – «оскорбительной» ясностью³: читатель, к которому он обращался, был студент или курсистка без самостоятельного суждения – существо, которому надо вбить в голову некоторые простые и на вид бесспорные истины, и из головы которого надо неумолимо-логичным «приведением к не-

¹ Впервые опубликовано: Рувль. 1925. 17 апр. № 1328. С. 2–3. Подпись: С. Франк.

² О мертвых ничего, кроме хорошего (*лат.*)

³ См.: «Джон Стюарт Милль, или оскорбительная ясность» (*Ницше Ф.* Сумерки идолов / Пер. Н. Полилова // *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009. С. 60).

ясности» выбить всякую ненаучную «дурь» и всякие «фантазии». В его литературном стиле было что-то от Чернышевского или от стиля философских рассуждений Льва Толстого.

Неудивительно, что он должен был вести неустанную, ожесточенную и часто несправедливую борьбу со всеми зачинателями и участниками новейшего русского философского движения. Много пришлось нам всем, работникам в области русской философии, воевать с ним, и с обеих сторон война не всегда оставалась на почве идейного спора, а слишком часто переходила в личные столкновения. Добавлю тут же, что под слоем грубости и самодурства таилась в А.И. Введенском скромность и доброта, и часто он первый стыдливо извинялся перед нами, своими младшими товарищами, в допущенных резкостях.

И все-таки – не только теперь, после его смерти, но и задолго до нее я сознавал, что этот с научно-систематической стороны примитивный и устарелый философ был оригинальным и замечательным русским мыслителем, и что в его во многом несправедливой борьбе против возрождающейся русской метафизики и религиозной философии была своя правда и притом подлинная, последняя – *религиозная* правда.

Начну с указания, что его «кантианство» было, как бы о нем ни судить по существу, совершенно самобытным и в исключительной мере национально-русским. Помнится, на юбилее А.И. Введенского в 1912 году¹ его главный идейный противник, проф. Н.О. Лосский, сказал в своей речи, что Введенский проповедует «не риккертанство и не когеннианство, а введенианство». И это совершенно верно. Не углубляясь здесь в подробности, достаточно сказать, что Введенский, не примыкая ни к одному из немецких толкований Канта, создал из многосложной, хрупкой и туманно-воздушной системы Канта какую-то очень увесистую, выпуклую, «не ладно скроенную, но крепко сшитую»² философию здравого смысла, проникнутую и примитивной верой в научное знание, и примитивным, цельным, чисто русским скептицизмом. В культурно-философском смысле это совсем не было туманным «идеализмом», напротив, гносеологический идеализм выражал здесь настоящий здоровый реализм, веру в конкретную земную природу человека и человеческого ума, направленного на земную жизнь и в тщету всяких превыспренных умствований.

В пылу борьбы с А.И. Введенским мы принимали его философию за типично-русский *нигилизм*. Но то была ошибка. Последние интимные философские мотивы свои он целомудренно скрывал, и нелегко было их разобрать. Лишь понемногу удавалось распознать, что он был своеобразным религиозным мыслителем умственного типа Паскаля или Якоби, мыслителем, который боролся с религиозной философией и метафизикой

¹ 17 февраля 1913 г. отмечалось 30-летие научно-педагогической деятельности А.И. Введенского (см.: Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / Ред. В.Н. Брюшинкин, В.С. Попова. М.: РОС-СПЭН, 2013. С. 209).

² «Не ладно скроен, да крепко шит» – название небольшой детской сказки К.Д. Ушинского.

и яростно отстаивал бессилие человеческого ума за пределами чувственной реальности – в интересах охранения подлинной религиозной веры от ее *рационализации*. Прежде всего, при более близком личном знакомстве обнаруживалось, что он был верующим христианином и при том не в каком-либо идеалистически-философском смысле, а в смысле принадлежности к православной церкви. Как-то случайно, во время ужина в излюбленном университетской публикой ресторанчике Панча на 1-й линии Вас<ильевского> острова, обнаружилось, что он соблюдает пост; «так оно здоровее» – мотивировал он стыдливо, но не трудно было догадаться, что он думал не об одном лишь телесном здоровье. В своих научных речах и писаниях он тоже лишь случайно «проговаривался» в этом смысле. Так в последнем издании его «Логики» полемика против метафизики и религиозной философии завершается внушительно-суровым указанием с ссылкой на ап. Павла, что христианство есть не метафизика и не теория, а вера, целиком опирающаяся на факт воскресения Христа – факт, который «философски» никак нельзя «доказать»¹. Повторяю, его скептицизм был сродни скептицизму Паскаля или Якоби или отца церкви Тертуллиана, но вместе с тем в какой-то оригинальной типично русской вариации этого умственно-духовного склада. Надо воспитывать в людях уважение к знанию и логической дисциплиной научить их мужественной последовательности и трезвости мысли, и вместе с тем строго обуздывать все поползновения мысли разобрататься в последнем божественном смысле бытия, чтобы дерзновением мысли не исказить смиренности веры, не заменить призрачной бесплодностью человеческих теорий – таков примерно последний интимный смысл философствования А.И. Введенского.

¹ Франк, очевидно, имеет в виду третье издание 1917 г. (в конце 1922 г. вышло еще одно издание, но Франк к этому времени был уже выслан; к тому же, оно фактически повторило издание 1917 г.). Завершая полемику с Лосским и Бердяевым, Введенский подчеркивал: «Вся суть христианства в живой вере в воскресение Христа. В *вере*? Да! Но если эту *веру* мы назовем *знанием*, да еще *разумным знанием*, то как нам быть не только с кучкой толстовцев, но и с многомиллионными евреями, мусульманами, буддистами? У них своя вера, отвергающая нашу: суть каждой из них в *отрицании* нашей, в отрицании *воскресшего Христа*» (*Введенский А.И. Логика, как часть теории познания. 3-е, вновь перераб. изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. С. 361*). Разводя единое знание и множество метафизических вер, Введенский добавлял, что оцениваться они должны по иным критериям – по критериям общеобязательных нравственных требований и любви к людям. «И если в любви есть достаточно веские мотивы, то можно смело исповедовать любую из метафизик, не боясь ее опровержения со стороны знания. Неопровержима даже и такая метафизика, которая допускает противоречия в истинном бытии и в его отношениях к миру явлений, т. е. такая метафизика, которая обывательскому уму должна казаться, по выражению ап. Павла, явным “безумием”» (Там же. С. 362). Кроме известных слов ап. Павла – «мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23; Введенский писал вместо «соблазн» – «скандал», *σκανδαλον*, обосновывая возможность именно так, буквально переводить это место. См.: Там же. С. 353), – он приводил еще целый ряд цитат из посланий апостола Павла, а одну из них (1 Кор. 14:20) даже сделал эпиграфом всей книги.

С полной ясностью это раскрылось лишь совсем недавно, уже после укрепления большевизма в России. Мыслитель, который при старом режиме заслужил репутацию скептика, в эпоху свирепого деспотизма атеистической власти, рискуя последними грошами своего жалования, на которое он поддерживал свое голодное существование (он тогда еще не был удален из университета), а может быть и гораздо большим, больной и почти уже умирающий, выступил в 1921 году (в петербургском журнале «Мысль», вскоре потом запрещенном) с смелой, по большевицким нравам, дерзкой статьей «Судьбы веры в Бога в борьбе с атеизмом»¹. Он доказывал, что атеизм, как и религиозность есть не научная истина, а слепая *вера*, которая, однако, и с моральной и с логической стороны имеет за себя гораздо меньше оснований, чем вера в Бога и которую только невежество может принимать за научно доказанную истину. И с чисто-свифтовским сарказмом он предлагал властям исповедать на практике свой атеизм – декретом, разрешающим убивать старых и ненужных членов общества и питаться их телами. Надо представить себе обстановку и условия, среди которых то писалось, чтобы понять всю духовную значительность этой статьи. Это было открытое, готовое на мученичество исповедание веры в Бога и религиозные основы нравственной жизни перед лицом торжествующего атеистического бесчинства – исповедание совершенное умирающим стариком².

Наступление и укрепление большевизма подействовало на А.И. Введенского удручающе – многие, и даже из его сверстников по возрасту, сумели хоть внешним образом приспособиться к новому режиму – он не смог; он как-то сразу одряхлел не только физически, но и душевно и молча умирал, но вместе с тем духовно ни на йоту не поддавался «новому режиму» – как свидетельствует его указанное выступление. И одновременно исчезло все тяжелое и властное в его характере, и он производил трогательное впечатление своей добротой и мягкостью. В 18–20 гг. я, живя в Саратове, находился с ним в частной переписке; мы, провинциалы, тогда считали своей обязанностью подкармливать хлебными посылками наших голодающих петербургских и московских друзей; такие посылки несколько раз посылал я и А.И. Введенскому³. Трогательна бы-

¹ Введенский А. Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом // Мысль. 1922. № 2. С. 3–20.

² О последовавшей уничижительной критике Введенского со стороны официального идеологического рупора см.: Мотовникова Е.Н. «Под знаменем марксизма» – «Мысль»: герменевтическая коллизия 1922 г. // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 123–136.

³ Как уже сказано в статье, переписка Франка и Введенского нам неизвестна, но о посылке продуктовых посылок из Саратова Франк упоминает в письме к М.О. Гершензону от 5 октября 1918 г.: «Прошлой зимой и еще летом мы многое посылали в Петрогр<ад> знакомым, теперь же сами внезапно оказались в положении голодающих среди богатого края – по причине строжайшей социализации» (С.Л. Франк. Из писем М.О. Гершензону (1912–1919) / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М.А. Колерова // De visu. Историко-литературный и библиографический журнал. 1994. № 3/4. С. 29).

ла его благодарность за них, вся проникнутая глубоким религиозным чувством. Престарелый ученый призывал благословение Божие на меня и мою семью за черный хлеб, доходивший до него черствым и часто наполовину сгнившим. Но также трогательно он отзывался и на мои бедствия. Когда я однажды сообщил ему, что моей семье угрожает выселение из квартиры¹, он ответил мне: «Молю Бога, да минует Вас это испытание», и я чувствовал, что это не фраза!

Это объединение среди бедствий, принесенных революцией, было думается, не только внешним, под ним скрывалась помимо воли осознанная духовная солидарность. Теперь, перед только что закрывшейся его могилой, сознаешь насколько мало значительна была в сущности наша идейная борьба с А.И. Введенским по сравнению с тем главным, что нас соединяло. Своим особым путем шел А.И. Введенский к последней правде, не понимая других и ими не понимаемый, и он честно учил молодежь – учил ее сразу и строгой научной мысли, и вере; и никогда не соблазнял он никого из «малых сих». Тяжкие страдания испытал он в конце своей жизни, потерял все земные блага, но не потерял своей веры. В историю русского философского просвещения он навсегда записал свое имя; то, что его преемникам представлялось устаревшим в его идеях, в свое время было новым и нужным; и борясь с «метафизикой», он одновременно боролся за право философии и за уважение к ней против всяческого варварства и нигилизма. Дай Бог, чтобы Россия не забыла его имени и его последней работы.

¹ Возможно, речь идет об октябре 1918 г. – в том же письме к М.О. Гершензону Франк сообщал: «Разгром, которому мы подверглись, состоит в том, что власть здесь выселила чуть не полгорода из квартир и вселила их в другие. К нам переехали выселенные родственники Тат<ьяны> Серг<еевны> в количестве 10 чел<овек>, и кроме того семья Н.В. Болдырева (5 чел<овек>), итого с нами и прислугами 23 чел<овека>. Квартира представляет собою соединение постоянного двора с мебельным магазином. К этому присоединяется возможность быть выселенными и из этой квартиры, из-за чего приходится жить на бивуаках, не раскладываясь (Там же. С. 29–30).